

Кроме того, Су Ци и другие, поскольку они не были из деревни, остались жить на горе на время праздников. Лю Яоцин решил, что каждый из них получит по два комплекта одежды, обувь и головные уборы, а зарплату выдал в полном объеме. Последние несколько дней он не заставлял их работать, позволяя идти куда угодно.

Су Ци был самым младшим и давно мечтал отправиться в городок. Он уговорил Су Лю и других отправиться туда рано утром на следующий день.

Теперь эти парни больше не были нищими, которых все гнали, а одетыми в чистую одежду, крепкими молодыми людьми, работающими на горе у Лю Яоцин. Выходя из дома, они держали головы высоко.

— Син-гэ я зарплату не давал, только двадцать монет, чтобы он сам распорядился, — подумал Лю Яоцин, поглаживая подбородок. — Мой отец и мать пока не могут отдыхать, рабочих стало меньше, и они будут еще больше заняты.

— Немного работы тоже полезно, — быстро подошел Чжэцзы-гэ и взял Лю Яоцин за руку.

Они были неразлучны каждый день, и рука Лю Яоцин была нежной и гладкой, как белый нефрит, в то время как рука Чжэцзы-гэ была сильной, с четкими костяшками, и он мог полностью обхватить руку Лю Яоцин, а она всегда была теплой.

Это тепло было как постоянно горячая вода, и постепенно холодные руки Лю Яоцин тоже согревались.

— Чжэцзы-гэ, давай посмотрим на клубнику, — глаза Лю Яоцин загорелись. — И Бао-гэр с его дедом еще не получили свои подарки.

— Давай, — улыбнулся Чжэцзы-гэ.

Они шли, держась за руки, по каменистой и неровной горной тропе, их тени на земле постоянно менялись, как будто они шли вместе долгие годы, до самой вечности...

В другой теплице, где росли обычные овощи, картофель и помидоры, сейчас тоже не было деревенских рабочих, только Ли-ши и Лю Цюаньцзинь каждый день трудились там, не поднимая головы, но и не думая о лишнем.

В этой теплице выращивали огурцы и клубнику, и, кроме Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ, туда могли заходить только Бао-гэр и Лао-гэр, остальным не разрешалось даже приближаться.

Хэйбэй и Эр Хацзы стояли у входа, им нравилась маленькая комната в теплице, потому что там постоянно топили «дракона», и у печки было всего теплее.

— Через несколько дней уже можно будет есть, — Лю Яоцин, войдя, увидел, что верхушки клубники начали краснеть, и обрадовался.

Клубника с момента посадки росла очень быстро, цвела и плодоносила без задержек, но из-за ограниченного освещения, так как солнце не могло полностью проникнуть внутрь, ягоды краснели очень медленно.

— Сегодня больше всего покраснело, — с улыбкой подошел Бао-гэр.

Зная, что Лю Яоцин очень заботится о клубнике, Бао-гэр почти каждый день сидел в теплице,

ухаживая за огурцами и наблюдая за клубникой, как будто это были его собственные дети.

— Солнца все равно маловато, но и так неплохо, — Лю Яоцин осторожно потрогал клубнику и встал. — Зимой такое возможно, и хотя мы не первые, кто это делает, но выращиваем редкие вещи.

— Конечно... — улыбнулся Бао-гэр.

— Цин-гэр просто умница, — искренне сказал Чжэцзы-гэ.

Он уже хвалил Цин-гэра наедине, но сейчас повторил, чтобы не дать ему говорить только с Бао-гэром.

Обернувшись и сжав руку Чжэцзы-гэ, Лю Яоцин улыбнулся:

— Пойдем вынесем вещи для Бао-гэра.

— Какие вещи? — удивился Бао-гэр. Он и Лао-гэр планировали здесь обосноваться, и когда они ушли из семьи Ню, то ничего не взяли с собой. Теперь, когда у них появились деньги, они постепенно обзавелись всем необходимым.

К тому же, на горе ничего не было в недостатке, и они даже накопили немного серебра.

Когда Лю Яоцин принес лепешки, зелень, помидоры, арахис и двадцать монет, глаза Бао-гэра наполнились слезами.

— Я вырос, а еще никогда... — Бао-гэр не мог говорить, его голос прерывался.

Когда Бао-гэр тяжело заболел, его семья не обратила на это внимания, и Ню Лаосань забрал его к себе, где он выжил, но жил нечеловеческой жизнью. Лао-гэр тоже отвернулся, вытирая слезы.

— Да это ерунда, в будущем будет еще лучше, посмотрите на эту клубнику и огурцы, их еще никто не видел, — улыбнулся Лю Яоцин. — Если хотите встретить Новый год с моей семьей, приходите, если нет — оставайтесь здесь, я принесу еще подарков.

Хотя Лю Яоцин пригласил Бао-гэра и Лао-гэра на работу, он относился к ним очень хорошо, лучше, чем многие в деревне, и неудивительно, что они плакали.

Человек может быть очень сильным и не проронить ни слезы, но, когда сердце смягчается, слезы льются, как вода.

В конце Лю Яоцин не удержался и сорвал клубнику, которая только начала краснеть, не помыл, просто протер рукой и съел.

Она была немного кисло-сладкой, очень нежной, но не противной.

— Завтра я приду, должно быть, еще покраснеет, — Лю Яоцин посчитал на пальцах. — Сначала я попробую несколько, а когда будет больше красного... это будет уже после Нового года, но не поздно...

Почувствовав вкус клубники, которую хвалил сам император, Лю Яоцин, конечно, не забыл отправить ее туда, но немного позже, ведь ему самому очень нравилось есть клубнику.

— Цин-гэр говорил, что клубника может расти долго, не спеши, — Чжэцзы-гэ взял Лю Яоцин за руку, почувствовал, что она холодная, и снял с себя куртку, накинув на него.

Обернувшись и увидев Чжэцзы-гэ только в нижней рубашке, Лю Яоцин сказал:

— Ветер поднялся, Чжэцзы-гэ, надень куртку, а то простудишься.

— Я в порядке, руки горячие, а твои холодноваты. Давай быстрее пойдем, в доме будет тепло,

— Чжэцзы-гэ потянул Лю Яоцин за руку вперед, не собираясь надевать куртку.

Каждый раз было так, Лю Яоцин говорил, но Чжэцзы-гэ не слушал, и ему приходилось ускоряться, чтобы войти в дом и усадить Чжэцзы-гэ на теплый кан.

Кан в доме топили днем и ночью, ведь не было недостатка ни в серебре, ни в дровах, он был горячим, и на нем лежало тонкое одеяло, сев на него, сразу становилось тепло. На краю кана стояла теплая вода для умывания, а на печке кипятки.

Налив Чжэцзы-гэ чашку горячей воды, Лю Яоцин тоже забрался на кан, укрывшись теплым одеялом.

В руке он почувствовал что-то пушистое, оказалось, это был Мао Бай. В последнее время, когда стало холодно, его шерсть плохо спасала от мороза, и он почти не слезал с кана...

— Цин-гэр, — вошел Син-гэр, взволнованный. — Жена Чжун-гэ пришла, хочет видеть нашего отца. Я не позволил ей идти, сказал ждать на улице, что делать?

Лю Яоцин уже заранее сказал, чтобы в случае чего обращались к нему, а не к Лю Цюаньцзиню.

Сейчас Вэй-ши была беременна, и Чжун-гэ, конечно, заботился о ней, а старик Лю, хотя и ничего не говорил, вероятно, был доволен, ведь это был четвертый ребенок в семье Лю, большая радость.

Войдя, Вэй-ши одной рукой поддерживала живот, выпрямив спину и высоко подняв голову, смотрела на Лю Яоцин свысока, на лице была фальшивая улыбка.

— Дедушке неловко прийти, он прислал меня спросить, что вы готовите на Новый год...

Третья ветвь семьи уже отделилась, и они не готовили праздничные запасы вместе с семьей Лю, Вэй-ши спрашивала, что Лю Яоцин планирует подарить старику Лю.

Только что днем он раздал подарки в мастерской лепешек, а вечером пришла Вэй-ши, и Лю Яоцин был уверен, что это не случайно.

Но спрашивать о таком в семье Лю должна была не Вэй-ши.

Немного подумав, Лю Яоцин все понял и с улыбкой сказал:

— Все уже готово, просто еще не отвезли. Иди домой и жди, я приготовил много, хватит дедушке и бабушке на хороший Новый год.

Сказав это, Лю Яоцин не стал смотреть на выражение лица Вэй-ши и, не дав ей заговорить, велел Син-гэ поднять занавеску и выпроводить ее.

Услышав, что есть много хороших вещей, лицо Вэй-ши стало мрачным. Она пришла, чтобы

первой забрать немного и приготовить себе еду. Теперь, когда ребенок в ее животе был от Чжун-гэ, старик Лю, хотя и не высказывался, после нескольких попыток Вэй-ши устроить скандал и переехать в комнату третьей ветви, перестал обращать на нее внимание, и она почувствовала себя важной, решив использовать свое положение, чтобы выманить что-то у Лю Яоцин.

Но ей даже не дали заговорить, и Вэй-ши выгнали.

<http://bllate.org/book/16688/1532056>